

В прошлом Нин Си не возвращался домой до полуночи. Теперь он упаковывал свой портфель и уезжал с работы в 5:30.

Посмотрев на время, Цинь Ли быстро позвала детей обратно. Во время прогулки Чжоу Юньшэн обнаружил, что Чжао Цзюнь установил множество камер у озера и на деревьях. Ему пришлось вздохнуть по поводу странного нового хобби Нин Си.

"Как прошел твой день?", - Нин Си отослал Цинь Ли, а когда вернулся в дом, поцеловал сына в лоб, а затем очень естественно взял мальчика за щеку и поцеловал, как будто они были очень близкими.

Чжоу Юньшэн поначалу был очень удивлен, но с течением дней он привык к этому. Он только приподнял губы и слегка кивнул, но ничего не ответил. Как прошел наш день? Разве ты этого не знаешь, извращуга?

Чжао Синьфан услышала звуки внизу, она заботливо взяла куртку и портфель Нин Си Няня. Два человека обняли друг друга с милой улыбкой, как будто они были парой любящих мужа и жены. В этой семье, за исключением Нин Ваншу, все были актерами.

Поужинав и уговорив сына поспать, Нин Си Нянь отправился на поиски Вэй Сяня, чтобы поговорить с ним и развить свои чувства, но обнаружил, что тот снова ускользнул. Он также запер дверь. Если бы не его ошибочное и плохое отношение, Сянь не боялся бы его так сильно. Нин Си Нянь раздраженно пригладил волосы, его сердце сожалело, и он также не мог дожидаться, чтобы сожрать Чжао Синьфана живьем. Но Цянь Юй все еще был ему полезен, поэтому ему пришлось скрывать свою ненависть.

Подросток достал из книжного шкафа книжку с картинками и сел на кровать. Он сидел на своих ногах, делая заметки. Нин Си Нянь улыбнулся, наблюдая некоторое время, затем он увидел, что время еще раннее, поэтому он также использовал компьютер, чтобы заниматься делами. Около десяти часов телефон издал легкий звуковой сигнал, чтобы напомнить Нин Си о том, что пришло время сна. Нин Си Нянь выключил будильник и быстро взглянул на экран. Подросток, который всегда придерживался расписания, раздевался, готовый принять горячую ванну и лечь спать.

Его белая рубашка соскользнула с плеч, он повернулся, обнажив красивую кость, гибкую талию, слегка вздернутые ягодицы... Нин Си посмотрел только на мгновение, прежде чем отвернуться, он вдруг почувствовал некоторое беспокойство. Он встал, налил чашку кофе и сделал два круга по кабинету, слушая, как мальчик наливает воду в ванну.

Он был очень раздражен, оторвал две верхние пуговицы на рубашке и, наконец, медленно отнес чашку с кофе обратно на стол, не отрывая глаз от экрана. Он должен был признать, что с нетерпением ждал этого момента почти каждый день. В чем разница между этой привычкой и тем, чтобы быть извращенцем? В глубине души он осуждал себя, но не мог это контролировать. Он поставил чашку с кофе, достал сигарету и закурил, стараясь, чтобы дым не мешал ему видеть. Но это движение было явно излишним, пар от воды в ванной давно заставили камеру запотеть, оставив только тонкий силуэт. Нин Си почувствовал себя неудовлетворенным и тихо выругался.

Звук воды наконец прекратился, когда он докурив сигарету. Из-за того, что он был слишком сосредоточен на экране, его окурки почти обжигали кончики пальцев. Он выругался и безжалостно сунул окурки в пепельницу. Дверь ванной открылась. Мальчик вышел с мокрыми волосами, одетый только в свободную белую рубашку, которая едва спадала ему на бедра,

прикрывая его самые сокровенные части, но открывая его стройные прямые ноги. Его ступни были очень изящными, идеальной формы. Когда он ступил на шерстяной ковер, он слегка зацепил пальцы ног, действие было очень милым.

Из-за того, что он слишком долго оставался в студии, его кожа была очень белой, можно было почти увидеть светло-голубые кровеносные сосуды. Он казался еще более мягким и хрупким. "В последний раз, это в последний раз, завтра я уберу все камеры", - держа чашку с кофе, Нин Си Нянь успокаивал себя, затем он отбросил свою нечистую совесть и поддался жадному взгляду. Внезапно раздался резкий стук в дверь. Это был Чжао Цзюнь. Его руки дрожали, часть кофе вылилась ему на рубашку и брюки.

Он тут же встал, чтобы вытереться бумажным полотенцем, и обнаружил, что немного... ошеломен. Он остановился, затем яростно выругал себя, с силой дернув себя за волосы. Он знал, что если будет продолжать в том же духе, то рано или поздно собьется с пути, но он был бессилён остановить свое извращенное "я".

"Входи", - он сел, его лицо осунулось, голос был подавленным.

В момент паники молодой человек на экране быстро поднял губы и тихо прошептал: "Спокойной ночи, большой извращенец".

Два месяца летних каникул вскоре закончились. Нин Си Нянь жил в борьбе каждый день, он чувствовал себя физически и умственно истощенным. "Может, мне стоит подумать о том, как держаться подальше от Вэй Сяня", - сказал он себе. Эта мысль не заставила его ударить себя по лицу.

"Зачем ты собираешь вещи?", - он увидел мальчика, несущего чемодан вниз с готовым к путешествию видом, его лицо мгновенно изменилось.

"Жить в общежитии", - Чжоу Юньшэн спрятался за багажом, его поведение было несколько нервным.

Нин Си кашлянул и сказал более мягким тоном: "Как скоро ты вернешься?".

"Приеду на зимние каникулы".

Зимние каникулы? До этого оставалось по крайней мере три или четыре месяца. Разум Нин Си гудел, он огрызнулся и опроверг: "Нет, никакой школы-интерната". Он забыл о своей прежней решимости оттолкнуть Вэй Сяня.

"Ты зависим, не так ли, извращенец?", - Чжоу тайно насмехался над ним, но на его лице было испуганное протестующее выражение, его водянистые персиковые глаза смотрели на Нин Си Няня.

Под этими глазами тело Нин Си полностью растаяло, его уши непроизвольно загорелись красным. Брови Нин Си стали более серьезными, и он сказал: "Нет, твоя способность заботиться о себе слишком слаба, как только ты начинаешь рисовать, ты никогда не останавливаешься. Ты не выходишь из своей комнаты и даже забываешь поесть. Живи дома, я буду нести ответственность и возить тебя в школу, иначе мне будет не по себе."

Чжоу Юньшэн сидел в своем обычном углу, молча уставившись на свой завтрак.

Его характер был действительно упрямым. У Нин Си Няня не хватило сил переубедить его, поэтому он, наконец, посмотрел на своего сына: "Малыш, твоему дяде пора в школу, он вернется только через три-четыре месяца. Ты будешь скучать по нему?".

Нин Ваншу наконец осознал серьезность ситуации, он тут же вскочил со стула, его маленькие ножки издали тук-тук-тук и он поспешно подбежал к Чжоу Юньшэну. Его две маленькие ручки крепко вцепились в брюки, на лице было грустное плачущее выражение.

"Извращенец, использующий даже собственного сына", - Юньшэну почти захотелось набить Нин Си морду, но он сдержался.

"Я не буду жить в школе, но мне нужно быть там днем", - он говорил медленно.

"Ну, я буду подбрасывать тебя каждый день", - Нин Си Нянь был наконец удовлетворен, он воспользовался возможностью сесть рядом с мальчиком, взял на руки сына и радостно поцеловал его. Хороший сын, ты действительно оправдываешь своего отца.

На кухне, в фартуке, притворяясь, что готовит кашу, лицо Чжао Синьфан было мрачным. За последние два месяца Ваншу не только начал приходить в норму, но даже отношение Нин Няня к Вэй Сяню претерпело потрясающие изменения. В начале года он считал Вэй Сяня призрачным человеком, а теперь он баловал его.

Что, черт возьми, здесь происходит? Неужели он забыл, как обращался с Нин Ваншу? Или он узнал правду? Нет, если бы он знал о Ван Ма, стал бы он посещать больницу почти каждый день и заботиться о ней? Конечно, его родители, скорее всего, защищали Сяня, и у него не было другого выхода. Но если их чувства становятся все лучше и лучше, и Вэй Сянь расскажет о том дне в отеле, что она может сделать?

"Нет, я должна избавиться от Вэй Сяня как можно скорее!".

Глаза Чжао Синьфан округлились, казалось, ей пришла в голову замечательная идея.

Вэй Сянь был первокурсником Киотской академии изящных искусств. Он не участвовал в вступительных экзаменах в колледж, отец Нина знал известного художника-профессионала в стране Ф, который написал ему рекомендательное письмо, и он поступил.

Нин Си Нянь позволил ассистенту заполнить документы, а сам лично отправился в общежитие, чтобы помочь Вэю собрать вещи.

"Я сделаю это, а ты сядь", - он снял пиджак, закатал рукава рубашки, взял несколько огромных альбомов и сложил их вместе, готовясь к отъезду.

Как главный герой мужского пола, внешность Нин Си Няня, естественно, была очень выдающейся, не безупречно красивой, как у Ду Сюй Лана, но полной мужской атмосферы и совершенства. Он был почти 190 см ростом, пара длинных ног двигалась перед Чжоу Юньшэном, его тонкая рубашка ярко обрисовывала его четкие линии мышц.

Мужчина управлялся гормонами.

Чжоу явно знал об этом и должен был искать в другом месте.

"Жарко? Посмотри на свое лицо, оно все красное. Жить дома действительно комфортнее, в доме есть кондиционер", - щеки мальчика покраснели, глаза блестели. У Нин Си Няня пересохло во рту, он с трудом мог говорить. Он ущипнул мальчика за нос.

Чжоу Юньшэн слегка кивнул, его "застенчивый" вид заставил сердце Нин Си трепетать.

Он упаковал альбомы и кисти в картонные коробки. Одной рукой держа коробку, а другой держа руку мальчика, Нин Си медленно направился к стоянке.

"Ты не попраешься?".

Когда Нин Си Нянь открыл багажник, чтобы упаковать свои вещи, Чжоу Юньшэн услышал крик. Он посмотрел на вошедшего, и в его глазах того человека мгновенно появилась злобная улыбка. Он знает этого человека, он был старшим Фу Сюанем Вэй Сяня. После того, как Вэй Сянь покинул дом Нин, прежде чем у него появился шанс воспрянуть духом, он был уничтожен этим человеком. Он скопировал картины Вэй Сяня и взял их для участия в международном конкурсе масляной живописи, где получил главный приз и стал знаменитым.

Чжоу Юньшэн прищурился, подошел к нему и почтительно окликнул своего старшего брата. Фу Сюань знал, что он будет жить за пределами кампуса, он оттащил его и осторожно сказал ему, какие картины с большей вероятностью выигрывают главный приз, а также посоветовал Вэю позвонить ему, и если он не будет удовлетворен картиной, он сможет дать ему несколько советов.

Чжоу Юньшэн кивнул, не беспокоясь. Фу Сюань увидел вдалеке мужчину, припаркованного у обочины, который, покуривая, уставился на него. Его взгляд был безжалостным. Сердце Фу Сюаня забилося от страха, и он нашел предлог, чтобы уйти.

"Кто он?", - строго спросила Нин Си Нянь, когда они сели в машину.

"Старший брат", - Чжоу Юньшэн моргнул своими персиковыми глазами.

Горечь Нин Си испарилась, но он все еще бормотал: "Он кажется очень болтливым".

Чжоу Юньшэн задыхался от дыма машины, он не мог не нахмуриться: "Убери сигарету".

Нин Си Нянь немедленно затушил сигарету, а затем поднял руки в знак капитуляции. Эта искусная и естественная реакция на мгновение шокировала обоих людей. Чжоу Юньшэн долго смотрел на него, пытаясь найти следы фамильярности на его красивом лице. Это было бесполезно. На обратном пути они оба погрузились в странное молчание.

<http://bllate.org/book/14189/1250309>